
«Немирье» между Свейном и Ярицлейвом: русско-норвежские отношения второй половины 1020-х — первой половины 1030-х гг.

DOI 10.31168/91674-483-5.7

«Теперь немирье (*vfriþr*) между Свейном Альвивусоном и конунгом Ярицлейвом... и некоторое время не было между ними торгового мира (*caupfriþr*)» — таково исключительное для исландских саг описание русско-норвежских отношений первой половины 1030-х годов. Это утверждение автора саги, несколько раз повторенное и в последующем тексте, недвусмысленно наводит на мысль, что в предшествующее время, т. е. в период правления Олава Харальдссона, отношения между Русью и Норвегией были дружественными и между ними существовал мир (*fridr*), более того, имелся и некий «торговый мир» (*kaupfridr*), иначе не было бы смысла констатировать отсутствие того и другого в период наместничества (1029–1035) в Норвегии Свейна, сына Кнута Великого, датского и английского короля, и его наложницы Альвивы. Таким образом, уже один этот зачин — а в действительности и все повествование, вводимое им, — представляет большой интерес, поскольку позволяет, пусть и предположительно, восстановить одну из самых ранних страниц внешнеполитической истории Древней Руси — одной из областей в обширной сфере научных интересов юбиляра — Бориса Николаевича Флори.

Рассказ, вводимый процитированной фразой, содержится в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе» («*Magnúss saga góða ok Haralds harðráða*») по рукописи «Гнилая кожа»¹, включен в

¹ *Morkinskinna*, GkS 1009 fol., ок. 1275, с лакунами, восстанавливаемыми по рукописям «Хульда» и «Книга с Плоского острова»: *Morkinskinna* // Ármann Jakobsson ok Þóður Ingi Guðjónsson gáfu út (Íslenzk fornrit, XXIII–XXIV). Reykjavík, 2011. В. 1–2; пер. на англ. яз.: *Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Nor-*

повествование о пребывании Магнуса Олавссона, будущего конунга Норвегии Магнуса Доброго, на Руси и посвящен перипетиям его возвращения на норвежский трон². Два ключевых момента повествования: оставление Магнуса на воспитание у Ярослава Мудрого его отцом, норвежским конунгом Олавом Харальдссоном, бежавшим из Норвегии с сыном в 1029 г., в 1030 г. вернувшимся обратно и погибшим в борьбе за норвежский трон, а также приезд в 1035 г. к Ярославу посольства норвежской знати, чтобы вернуть Магнуса в Норвегию, сомнений не вызывают, так как упоминаются в поэмах скальдов Сигвата Тордарсона и Арнора Скальда Ярлов, «Истории о древних норвежских конунгах» монаха Теодорика, сводах королевских саг, включая «Круг земной» Снорри Стурлусона. Сведения же «Гнилой кожи» (и зависящих от нее сводов), не нашедшие отражения в других источниках, требуют особого рассмотрения.

Повествование о пребывании Магнуса на Руси

Рассказ о детстве Магнуса на Руси (в 1029–1035 гг.) — по свидетельству Арнора Скальда Ярлов, Магнус вернулся в Норвегию возрасте около 11 лет³ — в «Гнилой коже» состоит из четырех эпизодов. Первые три не представлены ни в латиноязычных «Историях» Норвегии второй половины XII в., ни в других сводах саг, где лишь кратко отмечено, что «Магнуса, своего сына, он (Олав) оставил там у конунга (Ярицлейва. — *Е.М.*)»⁴. Во всех остальных источниках

wegian Kings (1030–1157) / Transl. with Introd. and Notes by Th.M. Andersson and K. Gade. N.Y., 2000. К ней восходит «Сага о Магнусе Добром» в сборниках «Книга с Плоского острова» (*Flateyjarbók*, GkS 1005 fol., 1387–1394; saga написана на дополнительных листах второй половины XV в.: *Flateyjarbók* / Udg. av S. Nordal. Akranes, 1944–1945. В. I–IV) и «Хульда» (*Hulda*, AM 66 fol., между 1320 и 1380 гг.: *Hulda: Sagas of the Kings of Norway 1035–1177* / Ed. J. Louis-Jensen. Copenhagen, 1968). Предполагается, что свод саг «Гнилая кожа» был составлен в начале XIII или даже конце XII в. и отредактирован в 1220–1230 гг. Основным источником для автора сборника, включая «Сагу о Магнусе Добром», послужили скальдические стихи и устная традиция (*Andersson Th.M. Kings' Sagas (Konungasögur) // Old Norse-Icelandic Literature. A Critical Guide* / Ed. C.J. Clover, J. Lindow. Ithaca; London, 1985. P. 217–218; *Andersson Th.M., Gade K. Introduction // Morkinskinna. The Earliest Icelandic Chronicle*. P. 58–65; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 46–49 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). Далее — ИКС.

² ИКС. С. 393–394/401–402. Страницы, на которых напечатаны текст и перевод, указаны через косую черту.

³ ИКС. С. 397/406.

⁴ «Сага об Олаве Святом» по «Кругу земному», гл. 192: ИКС. С. 271/283; по «Красивой коже»: ИКС. С. 258/260.

в развернутом виде содержится лишь один, четвертый сюжет — о норвежском посольстве, прибывшем к Ярославу, чтобы отвезти Магнуса в Норвегию.

Первый сюжет объясняет причину приезда Магнуса на Русь в качестве воспитанника Ярослава: построенный Ярославом дворец был сопоставлен Ингигерд с жилищем Олава Харальдссона не в пользу первого, что вызвало ссору между супругами, и Ярослав, чтобы компенсировать нанесенную жене пощечину, вынужден был согласиться на поставленное Ингигерд условие — пригласить сына Олава на воспитание. Это условие ставило Ярослава в неловкое положение, поскольку считалось — и автор саги подчеркивает это обстоятельство, — что принимающий на воспитание ребенка по своему статусу ниже отца ребенка (что, впрочем, соответствовало действительности далеко не всегда).

Все остальные прозаические источники единодушны в том, что Магнус был привезен Олавом на Русь после бегства из Норвегии через Свеаланд, где он не рискнул оставлять своего единственного (хотя и незаконного) сына, и поручил его заботам Ярослава и Ингигерд, когда принял решение вернуться в Норвегию и бороться за владение ею. Вряд ли можно сомневаться в том, что именно таковой и была причина появления Магнуса на Руси — желание Олава сохранить жизнь своему наследнику. Эпизод же в «Гнилой коже» развивает широко распространенную в Исландии (и, вероятно, не только в ней) литературную «романтическую» традицию о любви Ингигерд и Олава Харальдссона, сватавшегося к ней до Ярослава⁵.

Второй эпизод рассказывает о пребывании малолетнего Магнуса на Руси и состоит из ряда традиционных «героических» мотивов, регулярно использовавшихся авторами саг при описании деятельности скандинава (особенно конунга) на Руси, в Византии и других странах⁶. В саге отмечаются успехи Магнуса в спорте и военных играх, подробно рассказывается об убийстве им на пиру своего обидчика, за что Ярослав выплачивает виру.

Третий и четвертый эпизоды тематически взаимосвязаны и посвящены событиям, обусловившим возвращение Магнуса в Норвегию.

⁵ Мельникова Е.А. Брак Ярослава и Ингигерд в древнескандинавской традиции: беллетризация исторического факта // XIII Всесоюзн. конф. по изучению... Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.; Петрозаводск, 1997. С. 151–153; ИКС. С. 361–362.

⁶ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1988–1989 гг. М., 1991. С. 70–79; Она же. Четыре норвежских конунга на Руси. Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X — первой половины XI в. М., 2000.

Именно они и вводятся цитированной в начале статьи фразой. Третий эпизод составляет рассказ о торговой поездке на Русь (*i Austrveg savpferþ*) двух норвежцев, Бьёрна и Карла, предпринятой несмотря на то, что «из-за заявлений конунга Свейна и конунга Ярицлейва и того немирья, которое существует между ними, это нельзя назвать безопасным»⁷. Прибыв в «большой торговый город», очевидно Ладогу, купцы подвергаются нападению местных жителей, как только те узнают в новоприбывших норвежцев. Карлу с трудом удается остановить их, апеллируя к возможному гневу Ярицлейва, к которому он и отправляется за разрешением торговать. Однако, узнав, что Карл норвежец, Ярицлейв велит заковать его в цепи и поутру казнить. Магнус просит Ярицлейва освободить Карла, так как «не скоро, думается мне, Норег станет моим, если начать убивать всех, кто оттуда родом»⁸. Ярицлейв соглашается с Магнусом и наутро в беседе с Карлом предлагает ему провести на Руси зиму с тем, чтобы весной «взять на себя некое трудное дело» и вернуться в Норвегию. Карл принимает предложение, и весной Ярицлейв дает Карлу деньги, которые Карл должен раздать «лендрманнам в Нореге и всем тем людям, у которых есть какое-нибудь влияние и которые хотят быть друзьями Магнуса, сына Олава»⁹. По прибытии в Норвегию Бьёрн и Карл начинают переговоры с наиболее знатными и влиятельными людьми, прежде всего теми, кто был обижен на Кнута Великого, не выполнившего свои обещания. Через некоторое время Бьёрн «тайно» едет к Ярицлейву доложить о достигнутых успехах, тогда как Карл, приехавший, видимо, в Тронхейм, схвачен людьми Свейна и должен быть казнен, но ему удается бежать и вместе с одним из лендрманнов, перешедших на сторону Магнуса, он также уезжает на Русь.

Четвертый эпизод, представленный с разной степенью полноты во всех сводах королевских саг, посвящен норвежскому посольству на Русь. Воспользовавшись отъездом Свейна на юг, жители Трёндалёга собирают тинг, «и показалось им теперь, что лучше всего было бы возместить теперь его (Олава. — Е. М.) сыну то, что они ему самому сделали во зло»¹⁰. Чтобы «возместить зло», т. е. избрать конунгом Норвегии Магнуса Олавссона, снаряжается посольство во главе с самым влиятельным из лендрманнов, Эйнараром Брюхотрясом (к нему первому обратились Бьёрн и Карл по приезде в Норвегию), которое приезжает к Ярицлейву, приносит клятву с 12 соприсяжниками

⁷ ИКС. С. 394/401.

⁸ ИКС. С. 394/402.

⁹ ИКС. С. 395/403.

¹⁰ ИКС. С. 396/404.

(наивысшая форма клятвы¹¹) хранить верность Магнусу и вместе с ним возвращается в Норвегию (с отъезда Магнуса из Руси начинается «Сага о Магнусе Добром» в «Круге земном»).

Третий и четвертый сюжеты отличаются от предшествующих двух отсутствием традиционных мотивов и стереотипных ситуаций и образов, что может говорить в пользу достоверности если не конкретных деталей, то самого упомянутого события. Однако если достоверность рассказа о посольстве не подвергается сомнению, то история Бьёрна и Карла — особенно их «вербовка» Ярославом для подготовки почвы к возвращению Магнуса и подкупа норвежских лендрманнов — априорно считается невероятной и, соответственно, вымыслом автора «Гнилой кожи». Представляется, тем не менее, что более внимательный анализ этих сюжетов говорит против этого мнения.

Поездка Бьёрна и Карла образует на первый взгляд более или менее законченный сюжет, стилистически несколько отличающийся от остального повествования, что дало основание определить эту часть саги как отдельную прядь — «Прядь о Карле Несчастном», вознившую независимо от «Саги о Магнусе Добром» и включенную в сагу при ее редактировании¹². Однако, как отметил Т.М. Андерссон, «Гнилая кожа» — целостное произведение, которое изначально включало значительное число прядей, и потому повествование о Карле и Бьёрне, если такая прядь когда-либо существовала самостоятельно, могло быть включено уже в древнейшую редакцию саги о Магнусе. Однако рассказ о Бьёрне и Карле не имеет характерных признаков пряди¹³ и, по мнению Т.М. Андерссона, является органической частью основного текста¹⁴. К аргументации Т.М. Андерссона надо добавить, что третий сюжет не является самодостаточным и законченным: он обретает завершенность только при его соединении с четвертым сюжетом. Оба эпизода объединяет общая тема возвращения Магнуса в Норвегию, причем не только тематически, но и сюжетно. Именно приезд этих двух норвежцев на Русь открывает цепь событий, приведших к возвращению Магнуса: выполняя обещание Ярославу и получив от него деньги, они, приехав домой, начинают переговоры со знатными норвежцами, в том числе с обиженными Свейном Эйнараром

¹¹ ИКС. С. 413.

¹² *Inderbo G. Nokre merknader til den norrøne kongesoga // Ariv för nordisk filologi. 1938–1939. B. 54. S. 58–79; Louis-Jensen J. Kongesagastudier: Kompilationen Hulda-Hrokkinskinna (Bibliotheca Arnemagnæana. Vol. XXXII). København, 1977. S. 79–82.*

¹³ См. о прядях: *Гуревич Е.А. Древнескандинавская новелла: поэтика «прядей об исландцах»*. М., 2004.

¹⁴ *Andersson Th.M. The Unity of Morkinskinna // Sagas and the Norwegian Experience. 10th International Saga Conference. Preprints. Trondheim, 1997. P. 1–10; ИКС. С. 47–48.*

Брюхотрясом и Кальвом Арнасоном, убеждая их в выгодах возвращения Магнуса. Представляется поэтому, что рассказ о поездке Карла и Бьёрна и их участии в возвращении Магнуса является не отдельной прядью, включенной в «Гнилую кожу» либо при ее редактировании в 1220-е гг., либо вообще при ее переписке ок. 1275 г., а органической частью устной исторической традиции о Магнусе Добром.

Однако насколько может быть достоверна эта традиция, а соответственно и информация о политических отношениях Руси и Норвегии после смерти Олава Харальдссона, о русско-норвежской торговле в 1020-е — 1035 г. и об активном участии Ярослава Мудрого в установлении власти в Норвегии сына Олава Харальдссона?

Úfriðr между Свейном и Ярицлейвом

«Теперь немирье (*vfriþr*) между Свейном Альвивусоном и конунгом Ярицлейвом, потому что конунг Ярицлейв полагал, что норвежцы повели себя недостойно по отношению к святому конунгу Олаву, и некоторое время не было между ними торгового мира (*cavpfríþr*)», — так начинается третий эпизод рассказа о пребывании Магнуса на Руси. Этот же зачин в рукописи «Хульда» читается более подробно: «После гибели конунга Олава Святого случилось большое немирье между конунгом Ярицлейвом и Свейном Альвивусоном, который был тогда конунгом над Норегом, потому что конунг Ярицлейв полагал, что норвежцы повели себя недостойно по отношению к конунгу Олаву; не было тогда торгового мира между ними, поэтому каждый убивал людей другого, как только они встречались вместе»¹⁵. И далее на протяжении всего рассказа о поездке Карла и Бьёрна на Русь неоднократно упоминается отсутствие «мира» как в форме авторских замечаний, так и в описаниях событий, вызванных к жизни сложившейся ситуацией.

Отношения между Свейном и Ярицлейвом автор саги характеризует словом *úfriðr*, антонимом к *friðr*, значение которого широко и охватывает как мир вообще, т.е. состояние общественного спокойствия, отсутствия войны и крупных конфликтов (ср., например, прозвище одного из первых Инглингов — *Frið-Fróði*, при котором не было войн и царили порядок и благоденствие), так и устанавливаемый верховной или местной властью на определенное время и на определенном пространстве и регулируемый рядом условий общественный порядок, а также договор, определяющий этот порядок¹⁶. Как показы-

¹⁵ ИКС. С. 393–394/401.

¹⁶ См.: *Fell Chr. Unfriðr: an Approach to a Definition // Saga-Book of the Viking Society for Northern Research. 1982–1985. Vol. XXI. P. 85–100*: автор делает основной упор на регулируемость «мира-договора». Более взвешенную позицию занимает Н. Лунд: *Lund N. Peace and Non-Peace in the Viking Age — Ottar in Bjarmaland*,

вает большое количество древнескандинавских и древнеанглийских узусов, эти значения зачастую пересекаются, и установить, какое из них доминирует, подчас затруднительно.

Близко по значению к *friðr* слово *gríð*, в котором, однако, в большей степени проявляется договорной, регламентированный характер «мира» (первое словарное значение — «перемирие, договор о перемирии»¹⁷). Это слово употреблено для обозначения мира, данного Ярицлейвом Карлу: «...и так хочет Магнус, сын конунга, чтобы тебе был дан мир (*gríð*)»¹⁸. Поскольку в данном случае речь о прекращении военных действий не идет, употребление слова *gríð*, видимо, должно подчеркнуть, что мир дается определенному человеку (группе людей) на некоторое время и действует на определенной территории.

Соответственно отсутствие мира (*úfriðr*) предполагает войну или вражду между сторонами. В контексте рассматриваемого повествования *úfriðr* не соотносится с военными действиями, а характеризует враждебные отношения между сторонами, причем введенные, как можно полагать, в одностороннем порядке Ярославом Мудрым.

Одновременно автор саги подчеркивает отсутствие *kaupfriðr* «торгового мира», проводя различие между «миром» вообще и «торговым миром» в частности. Термин *kaupfriðr* встречается в сагах неоднократно. Из контекстов его употребления следует, что торговый мир устанавливается конунгом или местным правителем. Он дается на оговоренный срок и может распространяться на всех купцов из какой-либо страны или лишь на некоторых лиц. Давая торговый мир, конунг гарантирует безопасность купцов и их товаров. Действие торгового мира распространяется, видимо, либо на определенную область, либо на торговый город¹⁹. Таким образом, введение *kaupfriðr* является государственной акцией с целью обеспечить безопасность купцов и их товаров, а также зафиксировать (и тем самым ограничить?) места возможной торговли²⁰.

the Rus in Byzantium, and Danes and Norwegians in England // Proceedings of the Tenth Viking Congress / Ed. J.E. Knirk. Oslo, 1987. S. 255–269.

¹⁷ Cleasby R., Vigfusson G. The Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1975. P. 214–215.

¹⁸ ИКС. С. 395/402.

¹⁹ См., например: Легендарная сага об Олаве Святом, гл. 53; Сага о Хаконе Добром, гл. 12; Сага об Олаве Святом в «Круге земном», гл. 133, 137; Сага о Кнютлингах, гл. 70.

²⁰ Ср. «мир» новгородских договоров с немецкими городами и о Готланд конца XII — XIII в.

Заявление автора об отсутствии мира между Свейном и Ярославом резко отличается от огромного количества «русских известий» в сагах. Общая оценка политической ситуации в странах за пределами Скандинавии почти не встречается в королевских или родовых сагах. Не интересовали авторов саг ни политическая ситуация на Руси, ни отношения Руси с какой-либо скандинавской страной, Швецией ли, Норвегией или Данией. Поездки скандинавов на Русь и в восточную Прибалтику всегда изображались частными предприятиями, организованными и выполняемыми на личной основе без вмешательства властей²¹.

Единственный другой случай описания политической ситуации на Руси представлен в «Саге об Эймунде». Решение Эймунда отправиться на Русь и служить Ярославу мотивировано борьбой сыновей Владимира после его смерти, обстоятельства которой описаны довольно подробно. Этот политический «обзор», довольно точный по существу, хотя и содержащий ряд неточностей (например, путаница с именами Владимировичей)²², был уместен в саге, рассказывающей о викинге, который участвовал во всех этих событиях, извлекая выгоду из конфликта интересов русских князей. Однако это описание не имеет отношения к международным связям Руси — поездка Эймунда была его личным делом, не затрагивавшим интересы правителя Норвегии Олава Харальдссона.

В «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе», напротив, ситуация изображается как межгосударственная: «немирье» (*úfriðr*)²³ существует между правителями двух стран, Руси и Норвегии, и его последствия распространяются на всех норвежцев, подданных Свейна Альвивусона. Инициатором «немирья», по саге, является Ярицлейв, и именно на подвластной ему территории осуществляются гонения на норвежцев. Автор «Хульды» полагает, что «немирье» сопровождалось подобными же акциями против русских: «каждый убивал людей другого, как только они встречались вместе». Однако никаких свидетельств о плаваниях русских купцов в Норвегию (как, впрочем, и в более близкую Швецию, и на Готланд) в начале XI в. не имеется. Главным местом возможных столкновений русских и норвежцев был север Восточной Европы — Кольский п-ов, Беломорье, Подвинье — Бьярмаланд скандинавских источников²⁴. С конца IX в.

²¹ Исключение составляют случаи, когда норвежские конунги сами посылают купцов, иногда входя с ними в партнерские соглашения, за предметами роскоши на Русь.

²² ИКС. С. 295–296/308.

²³ О понятии *friðr* см.: Lund N. Peace and Non-Peace in the Viking. S. 255–260.

²⁴ Историографию и возможные локализации Бьярмаланда см.: ИКС. С. 639–641.

появляются сообщения о плаваниях сюда скандинавов, в XI в. начинается новгородская колонизация этой территории. Однако ни один из рассказов о поездках в Бьярмаланд не содержит упоминаний о столкновениях с новгородцами: противниками героев этих рассказов могут быть бьярмы или другие отряды скандинавов. Конфликты с новгородцами начинаются существенно позже, видимо только в XIII в., и связаны прежде всего с обложением данью местного населения²⁵. Не исключено поэтому, что автор саги привнес — для полноты и законченности описания — реалию своего собственного времени.

Причина «немирья» четко сформулирована автором саги: это месть Ярицлейва норвежцам за их выступление против Олава Харальдссона. Как явствует из самого факта бегства Олава с малолетним наследником на Русь, отношения между ним и Ярославом были вполне дружественными. Неприятие Ярославом нового, датского правителя Норвегии отчетливо выразилось в том, что на Русь приходят и находят здесь прибежище преследуемые датскими властями сторонники Олава после его гибели 30 июля 1030 г., в том числе его сводный брат Харальд Сигурдарсон. Поэтому указанная в саге причина «немирья» представляется вероятной и может рассматриваться как продолжение политики Ярослава на Балтике предшествующего времени²⁶. При этом «месть» Ярицлейва носит не индивидуализированный (тем самым норвежцам, которые участвовали в изгнании Олава), а генерализированный характер: отсутствует мир Ярицлейва не с конкретными норвежцами, а с их правителем — Свейном, персонифицирующим страну, и на Руси преследуются все и любые норвежцы. Тем самым автор саги рассматривает «немирье» как конфликт на межгосударственном уровне, а отсутствие «торгового мира» — как одно из его проявлений.

Торговый договор между Ярославом и Олавом Харальдссоном²⁷

Состояние «немирья», декларированное вначале, раскрывается далее в саге литературными способами: описанием обращения Ярицлейва с Карлом после его прибытия ко двору князя, речами

²⁵ См. сообщение в «Саге о Хаконе Хаконарсоне»: ИКС. С. 529/531–532, 537–538.

²⁶ Мельникова Е.А. Балтийская политика Ярослава Мудрого // Ярослав Мудрый и его эпоха / Отв. ред. И.Н. Данилевский, Е.А. Мельникова. М., 2008. С. 78–133.

²⁷ См. подробнее: Мельникова Е.А. «Торговый мир» Руси и Норвегии 1024–1028 гг. // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 1997. 35–41; Melnikova E. Þar var eigi kaupfríðr imilli Sveins ok Jarizleifs: A Russian-Norwegian Trade Treaty Concluded in 1024–1028? // Archiv und Geschichte im Ostseeraum. Festschrift für Sten Körner. Kiel, 1997. S. 15–24.

Ярицлейва и Магнуса. Другим проявлением «немирья» было приостановление торговли. Автор саги неоднократно подчеркивает отсутствие торгового мира (*kaupfriðr*) на протяжении некоторого времени (*noccora stvnd*). Это единственный случай, насколько мне известно, упоминания в сагах разрыва торговых отношений между Русью и скандинавскими странами. Торговые поездки на Русь, как и все другие, представлены в сагах частными предприятиями, даже если конунг и участвует в партнерстве (*félag*) своими деньгами. Успех или неудача купца поэтому всегда зависят от его собственных возможностей и удачи. В рассматриваемом же случае подчеркивается официальный статус разрыва торговых отношений. Прерван торговый мир между Свейном и Ярославом, т.е. между двумя государствами, правителями которых они являются. Как и *úfriðr*, отсутствие *kaupfriðr* рассматривается автором саги как государственное действие, причем введенное Ярославом в одностороннем порядке. В контексте действительного ухудшения политических отношений с «датской» Норвегией запрещение торговли с ней представляется вполне вероятным, тем более что временная приостановка новгородскими властями торговых отношений с конкретным партнером была довольно обычной практикой, во всяком случае в XII в. Под 1188 г. Новгородская первая летопись рассказывает о конфликте новгородцев и немцев на Готланде (в Висбю?), который привел к прекращению торговых операций. Русские купцы не получили разрешения плыть в заморье, а немцы покинули Новгород «без мира» и сопровождающих лиц, т.е. без гарантий целостности их имущества, да и их личной безопасности²⁸.

Однако, как говорилось в начале статьи, подчеркивание отсутствия торгового мира было бы бессмысленным, если бы таковой мир не был заключен между правителями Норвегии и Руси в какое-то время до 1028 г. Нет специальных оснований полагать, что подобный мир появился до времен Ярослава: главным приоритетом внешней политики Владимира, насколько можно судить по крайне скудным известиям летописей, была Византия. Напротив, Ярослав проводил чрезвычайно активную политику на Балтике, и заключение торговых соглашений, ставящих интенсивную торговлю с северными партнерами под государственный контроль, было бы вполне в русле этой политики. Однако время, когда такой договор именно с Норвегией мог

²⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Под ред. А.Н. Насонова. М., 2000. 2-е изд. С. 39, 229–230. Об интерпретации этого сообщения см.: Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986. С. 27–29; Lind J. Varæger, nemtser og novgoroder år 1188. Hvor var Choruzek og Novotorzec? // Historisk tidsskrift for Finland. 1981. S. 145–177; Линд Дж. Загадочная статья Новгородской первой летописи. Что случилось в 1188 году? // Архив русской истории. 1994. Вып. 4. С. 191–206.

быть заключен, ограниченно. Соглашение с Олавом Харальдссоном было невозможно, когда Ярослав поддерживал дружеские отношения с Кнутом Великим и Олавом Шётконунгом — противниками Олава норвежского. Связи Ярослава с Норвегией могли установиться только после смерти Олава Шётконунга (ок. 1020 г.), воцарения его сына Анунда-Якоба (1022), примирения последнего с Олавом Харальдссоном и разрыва с Кнутом. Поражение Олава в 1028 г. и его бегство на Русь определяет *terminus ante quem*.

Точное время присоединения Ярослава к шведско-норвежскому союзу против Кнута неизвестно, но можно предположить наиболее вероятный для этого момент. 1023–1024 гг. были тревожными для положения Ярослава: в 1023 г. Мстислав Владимирович воспользовался пребыванием Ярослава в Новгороде и попытался захватить Киев; собрав войско, Ярослав на следующий год пришел на юг и встретился с Мстиславом у Листвена; потерпев поражение, он вернулся в Новгород, где провел следующие два года. Только в 1026 г. по предложению Мстислава сферы влияния князей были разграничены, и Ярослав переехал в Киев. Таким образом, наиболее подходящим временем для заключения договора с Норвегией был период между 1024 и 1026 гг., когда Ярослав постоянно находился в Новгороде. Укрепляя свое политическое и экономическое положение, Ярослав мог именно в это время пересмотреть свои связи со Скандинавскими странами и, продолжая традицию своих многообразных связей со Швецией, включая брак с Ингигерд, присоединиться к ее альянсу с Норвегией (против Дании). Таким образом, наиболее вероятным временем заключения русско-норвежского торгового договора являются 1024–1026 гг.

Отсутствие текста договора не позволяет полностью восстановить его содержание, однако саговое повествование дает основание для некоторых предположений. Сам термин *kaupfriðr*, соответствующий др.-рус. *торговьи мирь* и также обозначающий и состояние торгового мира, и торговый договор, подразумевал прежде всего свободу торговли иностранных купцов в определенных договором местах и гарантии их личной безопасности и сохранности их товаров. Именно отсутствие обусловленной договором безопасности купцов подчеркивается в саге: жители «большого торгового города» (Ладоги) намереваются расправиться с норвежскими купцами и отобрать их товары. О запрете торговли именно с Норвегией, а не об общей приостановке торговой деятельности в Новгороде говорит упоминание саги о том, что жители города проявили враждебность лишь после того, как узнали, что Карл и Бьёрн норвежцы. Как и в 1188 г., акция властей была направлена только против одного из партнеров. Запрет на торговлю распространялся, очевидно, не только на крупные транзакции, но и на мелкие покупки: по рассказу саги, норвежцы не могли «купить себе всего необходимого».

Возможно, что договор содержал также статьи, определявшие компенсации за убийство купца, нанесение ему увечий, повреждение имущества и т. п. Включение такой группы статей в древнейший торговый договор Руси предполагает А.Л. Хорошкевич²⁹, сопоставляя его с Русской Правдой Ярослава и исходя из содержания первого сохранившегося договора, датированного 1191/92 г.³⁰

Таким образом, представляется вероятным, что между 1024 и 1026 (или 1028) гг. между Ярославом Мудрым и Олавом Харальдссоном был заключен торговый мир, который обеспечивал свободу и безопасность проезда к месту торговли, самой торговли и гарантировал личную неприкосновенность купцов и сохранность их товаров. Обеспечение регулярной торговли было выгодно Новгороду, но в еще большей степени оно было важно для Норвегии. Притязания на власть в Норвегии датского и английского короля Кнута Великого существенно осложнили возможности торговли норвежцев в Англии — главном рынке сбыта норвежских товаров. Единственным открытым для норвежских купцов путем был путь на восток в Балтийское море, и Новгород, крупнейший центр балтийской торговли, не мог не рассматриваться как выгодный торговый партнер. Не случайно «Сага об Олаве Святом» содержит целый ряд упоминаний о торговых поездках норвежцев на Русь, в части из которых Олав принимал участие деньгами в качестве компаньона-складника (*félagi*).

Практика договорного регулирования торговли вообще была не чужда Олаву. В двух рукописях исландского суддебника «Серый Гусь» сохранился текст договора Олава, определявшего права, в том числе имущественные, исландцев в Норвегии, порядок выплаты и размер пошлин и т.п.³¹

Содействие Ярослава возвращению Магнуса в Норвегию

Рассматривая сообщение о помощи Ярослава в утверждении власти Магнуса в Норвегии, Е.А. Рыдзевская полностью отказала ему в достоверности, исходя из общих представлений о русско-скандинавских отношениях эпохи Ярослава Мудрого: «...исследователями

²⁹ *Horoszkiewicz A.L.* Zagadkowe okoliczności powstania kopii najdawniejszych umów Nowogrodu z Gotlandią niemcami z końca XII i z połowy XIII wieku // *Balticum. Studia z dziejów polityki, gospodarki, kultury XII–XVII wieku.* Toruń, 1992. S. 105–111; *Khoroschkevitsch A.L.* Der Ostseehandel und der deutsch-russisch-gotländische Vertrag 1191/1192 // *Der Hansische Sonderweg? Beiträge zur Social- und Wirtschaftsgeschichte der Hanse.* Köln; Weimar; Wien, 1993.

³⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 55. См. о нем: *Рыбина Е.А.* Иноземные дворы... С. 27–31.

³¹ Grågås // *Norske middelalder documenter / Utg. ved S. Bagege, S. Holstad Smedsdal, K. Helle.* Bergen; Oslo; Tromsø, 1973. S. 12–15.

саг давно установлено, что именно вмешательство Ярослава — вымысел составителя *Morkinskinna*. Обстоятельство, что такая роль была приписана русскому князю, конечно, далеко не лишено интереса и значения, но это все-таки не исторический факт»³². Мнение Е.А. Рыдзевской на долгое время определило игнорирование этого рассказа в отечественной историографии. Однако последние исследования русско-скандинавских отношений в 1015–1020-х гг. показали, что Ярослав Мудрый проводил чрезвычайно активную политику на Балтике и, вступая в альянсы то с одними скандинавскими странами, то с другими, преследовал при этом собственные, часто связанные с внутривосточной обстановкой цели³³. Достаточно упомянуть, что во второй половине 1010-х гг. Ярослав, вероятно, присоединился к датско-шведской коалиции, направленной против норвежского конунга Олава Харальдссона: в 1018 или 1019 г. он женил своего сына Илью на сестре Кнута Великого Эстрид³⁴, и сам в 1019 г. взял в жены Ингигерд, дочь Олава Шётконунга, получив военную помощь в борьбе против Святополка и польского короля Болеслава за киевский стол. Распад шведско-датского союза после 1020 г. и последовавшая агрессия Кнута против Норвегии и Швеции вызвали перегруппировку сил — объединение Швеции и Норвегии против Дании; после бегства Святополка перестал нуждаться в датской помощи и Ярослав, что привело к радикальному улучшению его отношений с Норвегией — настолько, что в 1029 г. Олав Харальдссон бежит к Ярославу и получает от него помощь. Антидатская позиция Ярослава, направленная прежде всего против датского наместника в Норвегии, после гибели Олава в 1030 г. отчетливо проявляется в приеме сводного брата Олава Харальда Сигурдарсона, бежавшего в 1031 г. на Русь, где он провел несколько лет, затем около 10 лет служил в Византии, по пути домой женился на Елизавете Ярославне и в 1046 г. разделил норвежский трон с Магнусом. В этом контексте стремление Ярослава посадить на норвежский трон сына Олава, своего воспитанника, выглядит естественным продолжением его предшествующей политики на Балтике — стремлением восстановить и углубить связи с Норвегией.

Согласно «Саге о Магнусе» по «Гнилой коже», помощь Ярослава Магнусу была оказана в двух формах. Во-первых, Ярослав, видимо, принял участие в снаряжении Магнуса при его возвращении в Норвегию. Во-вторых, он использовал норвежских купцов, Карла и

³² Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978. С. 227 и примеч. 237.

³³ Мельникова Е.А. Балтийская политика Ярослава Мудрого.

³⁴ Назаренко А.В. О русско-датском союзе в первой четверти XI в. // Древнейшие государства на территории СССР. 1990 год. М., 1991. С. 167–189.

Бьёрна, в качестве своих агентов для подкупа влиятельных людей в Норвегии, чтобы привлечь их на сторону Магнуса.

Оказание помощи Магнусу при его возвращении в Норвегию — далеко не единственный подобный случай. Так, несколькими годами ранее Ярослав «предлагает [Олаву] всю ту помощь в подготовке к поездке, какую он хотел бы от них получить», снаряжает отряд Олава, состоящий из 200 человек, и дает «им всем вьючных животных и то снаряжение, в котором они нуждались»³⁵. Аналогичным образом Владимир Святославич помогает снарядить корабли Олаву Трюггвасону. Таким образом, сообщение об активном участии Ярослава в снаряжении Магнуса вряд ли следует приписывать фантазии автора саги, тем более что упоминания об этом, как кажется, имеются в скальдических поэмах, посвященных Магнусу. Автор «Гнилой кожи» цитирует «Драпу о Магнусе» Арнора Скальда Ярлов, который говорит о том, что Магнус «снарядил великолепный боевой корабль из Гардов» и «созвал мужей в поход. Смелая дружина воина отправилась в боевом снаряжении на корабли», а в поэме «Хрюнхенда» он же упоминает корабль Магнуса с «гардской оснасткой» (*skeiðarhúf með girzku skrúði*), на котором Магнус приплыл в Свитьод, и о «приведенных с востока людях, призванных для славных дел, с белыми щитами и с заостренными копьями»³⁶. Хотя посольство прибыло к Ярославу на своих кораблях и на них же мог быть увезен Магнус, Арнор неоднократно подчеркивает наличие у Магнуса своего корабля «с гардской оснасткой», вероятно имея в виду, что Магнус получил корабль в дар от своего приемного отца³⁷. Также и упоминание дружины Магнуса, собранной «на востоке», очевидно свидетельствует об участии Ярослава в экипировке «приведенных с востока людей», если не о найме их на службу Магнусу. Распространенность подобной практики вкупе с замечаниями Арнора, как кажется, дают достаточно оснований полагать, что Ярослав действительно принял участие в снабжении Магнуса собственным кораблем и отрядом воинов при его возвращении в Норвегию.

Вряд ли заслуживает априорного отказа в достоверности и рассказ о подкупе Ярославом норвежских лендрманнов. Норвежские купцы по предложению Ярицлейва проводят у него зиму. «И когда наступает весна, случилось однажды, что конунг и Карл беседовали вдвоем. Тогда говорит конунг Карлу: “Вот деньги, — говорит он, — которые ты должен взять с собой... Ты должен раздать эти деньги

³⁵ ИКС. С. 271/283.

³⁶ ИКС. С. 398/406.

³⁷ Наделение сына, как родного, так и приемного, кораблем при достижении им юношеского возраста было нормой для скандинавской знати и богатых бондов.

лендрманнам в Нореге и всем тем людям, у которых есть какое-нибудь влияние и которые хотят быть друзьями Магнуса, сына Олава»³⁸. Это сообщение действительно уникально, но практика подкупа влиятельных людей была широко распространена, и подобные ситуации нередко описываются в сагах. Так, каждый избираемый на тингах конунг, вплоть до Олава Харальдссона включительно, давал обещания собравшимся сохранить их земельные владения, а также свободы и традиционные порядки, привлекая тем самым бондов на свою сторону. Использовался и прямой подкуп, в том числе Кнудом Великим в его борьбе с Олавом Харальдссоном. В «Саге об Олаве Святом» по «Кругу земному» дважды рассказывается о «покупке» Кнудом «друзей»-норвежцев с помощью своих агентов. «Разведчики Кнута конунга постоянно находились в войске Олава конунга. Они заводили разговоры со многими, предлагали им стать друзьями Кнута конунга и давали деньги. Многие поддавались на их уговоры и обещали стать людьми Кнута конунга и помочь ему захватить страну, если он придет в Норвегию. Сначала все это оставалось в тайне, но потом многие были разоблачены. Одни уже тогда взяли деньги, другим деньги обещали. Много было среди них и тех, кто и раньше получал богатые подарки в знак дружбы от Кнута конунга»³⁹. Подготовка к вторжению в Норвегию велась Кнудом больше года, и на всех ее этапах подкуп играл важную роль, обеспечивая Кнуду поддержку внутри страны: «с Эрлинггом на север, в Норвегию, отправились люди Кнута конунга. У них было с собой много денег. Зимой они разъезжали по всей стране и раздавали деньги тем, кому Кнут конунг обещал их осенью за помощь. Они раздавали деньги и многим другим, и за деньги те становились друзьями Кнуду конунгу»⁴⁰.

Таким образом, в рассказе «Гнилой кожи» нет ничего экстраординарного: Ярицлейв прибегает ровно к тем же средствам обеспечить поддержку своему воспитаннику, что и Кнут, когда ему потребовалось привлечь на свою сторону норвежскую знать. Надо отметить, что, согласно «Саге об Олаве Святом» по «Кругу земному» и «Саге о Магнусе» по «Гнилой коже», одни и те же люди получали деньги и от Кнута (и участвовали в свержении Олава), и от Ярицлейва (и участвовали в возведении на трон Магнуса): к ним прежде всего принадлежал самый влиятельный из лендрманнов Норвегии того времени Эйнар Брюхотряс. Правда, и он, и Кальв Арнасон остались не удовлетворены, согласно Снорри Стурлусону, наградами Кнута и потому перешли на сторону Магнуса.

³⁸ ИКС. С. 395/403.

³⁹ Сага об Олаве Святом, гл. CLVI // Снорри Стурлусон. Круг Земной. С. 317.

⁴⁰ Сага об Олаве Святом, гл. CLXI // Там же. С. 320.

Заключение

Рассказ «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе» по рукописи «Гнилая кожа» о торговой поездке норвежцев на Русь в условиях немирья между Свейном Альвивусоном и Ярославом Мудрым и использовании их Ярославом с целью вернуть Магнуса на норвежский трон, как представляется, не заслуживает того, чтобы априорно рассматривать его как вымысел составителя саги. Отсутствие возможности верифицировать содержащуюся в нем информацию, равно как и ее наличие только в одной из редакций саги, не может являться основанием для признания ее недостоверной. Как заключение торгового мира с Олавом Харальдссоном, так и участие Ярослава в привлечении норвежской знати на сторону Магнуса и в снаряжении Магнуса при его отъезде из Руси полностью вписываются в распространенную в начале XI в. политическую практику. Значительно вероятнее, что этот рассказ отражает устную нарративную традицию о пребывании Магнуса Олавссона на Руси, которая была основана на воспоминаниях о действительно происходивших событиях и — по крайней мере частично — поддерживалась скальдическими стихами.